

01040

1962/11/04

118

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

А.И.МИКОЯН с Фиделем КАСТРО, Освальдо ДОРТИКОС
ТОРРАДО, Раулем КАСТРО, Эрнесто ГЕВАРА, Эмилио
АРАГОНЕС и Карлосом Рафаэль РОДРИГЕС

4 ноября 1962 года

А.И.МИКОЯН передал кубинским руководителям от имени Президиума ЦК КПСС и Никиты Сергеевича Хрущева горячий братский привет. Он отметил, что Центральный Комитет КПСС с восхищением и уважением относится к кубинским руководителям, которые с самого начала своей борьбы проявляли мужество и бесстрашие, уверенность в победе революции на Кубе, готовность отдать все свои силы борьбе. Мы гордимся победой, одержанной кубинской революцией в борьбе против интервентов, высадившихся на Плайя Хирон. Кубинские революционеры проявили такой могучий дух сопротивления, который вызывает восхищение и доказывает, что кубинцы всегда готовы сражаться до победы. Кубинские руководители проявили большое мужество, бесстрашие и твердость в опасные дни. ЦК КПСС восхищается готовностью кубинского народа выстоять. Мы доверяем, продолжал А.И.Микоян, кубинским руководителям, так самим себе.

Наша партия и правительство действовали в период кубинских событий, имея в виду сделать все для того, чтобы Кубе было лучше. Когда посол Алексеев сообщил о мнении товарища Фиделя Кастро, что между нашими партиями существуют некоторые расхождения, мы были очень огорчены. Сразу собралось наше руководство. Ведь вопрос о Кубе нас очень волнует. Нам нужно было восстановить полностью взаимное доверие, поскольку доверие является основой всего, основой настоящих братских отношений. Мы понимали, что никакая переписка не может позволить разъяснить до конца возникшее недопонимание. Поэтому ЦК КПСС решил направить меня на Кубу для того, чтобы разъяснить друзьям нашу позицию и информировать их по другим, интересующим их вопросам. Мы знаем, продолжал А.И.Микоян, что, если вам все объяснить откровенно, то вы, наши братья, поймете нас. Товарищ Микоян отметил, что, естественно, он не имеет намерения

х) Беседа тов. Микояном А.И. не просмотрена.

оказывать давление, его задача — разъяснить нашу позицию. Зная кубинских товарищей, сказал А.И.Никольи, я уверен, что и они с этим согласятся. Может, конечно, получится и так, что и после разъяснений сохранятся некоторые моменты, по которым останутся пока разные точки зрения. Наша задача — сохранить взаимное доверие, которое необходимо для настоящих дружеских отношений с Кубой для будущего Кубы и СССР и всего международного революционного движения.

Вчера товарищ Фидель Кастро очень откровенно, подробно рассказал о том, что кубинский народ не все понял в последних актах советского правительства. Товарищ Фидель Кастро рассказал и о тех вопросах, которые беспокоят кубинских руководителей. Он подчеркнул роль психологического фактора, который в условиях Кубы имеет особенно важное значение. Некоторые особенности психологического склада кубинцев сложились в результате исторического развития страны. Это особенно очень важно, как отмечал товарищ Фидель Кастро, принимать во внимание.

В Нью-Йорке, продолжал А.И.Никольи, я познакомился с содержанием речи товарища Фиделя Кастро 1 ноября. Конечно я не мог получить полного представления о речи, потому что американская печать часто извращает содержание выступлений кубинских руководителей. Но даже на основании изложения американской прессы я понял, что это — дружеская речь, в которой товарищ Фидель Кастро подчеркнул огромное значение сохранения дружбы между Советским Союзом и Кубой, отметил широкую помощь, оказываемую Советским Союзом Революционной Кубе. Он сказал также, что существует некоторые расхождения во взглядах между нами, однако, отметил, что эти расхождения необходимо обсуждать не на митингах, а на уровне партий и правительств. Эти слова Фиделя Кастро, свидетельствующие о чувствах дружбы и доверия к нашей стране, подтвердились приемом, который был оказан мне по прибытии в Гавану. Сам тон беседы товарища Фиделя Кастро был проникнут доверием, чувством товарищества.

Я уверен, продолжал А.И.Никольи, что взаимное доверие, существующее между нами, всегда будет существовать, несмотря на некоторые расхождения во взглядах. Американская пресса распространяет много домыслов относительно целей моей поездки на Кубу. Она пишет

что я поехал в Гавану для того, будто бы, чтобы оказать давление на кубинских руководителей, для того, чтобы "улыртоворить" их, как заявил в американских газетах Макклой. О беседе с Макклоем я могу рассказать вам подробно потом, но сначала я хотел бы ответить на главные вопросы.

Как я уже сказал в заявлении перед отлетом из Нью-Йорка, советское правительство поддерживает пять пунктов, выдвинутых товарищем Фиделем Кастро. Требование о ликвидации американской базы Гуантанамо — правильное и справедливое требование. Я не собирался выступать в Нью-Йорке, но когда прочитал в американской прессе домыслы относительно целей моей поездки, я решил сделать это заявление с тем, чтобы наша позиция была бы вполне ясной. Американская пропаганда, используя радио, пытается посорить Кубу с Советским Союзом, старается задеть кубинцев за живое. Это естественно. Враг иначе и не может поступать. Он так делает всегда. Но врагу всегда дается отпор.

По решению ЦК КПСС в мою задачу входит разъяснить по мере сил и способностей нашу позицию кубинским руководителям, чтобы у них не было никаких сомнений, связанных с этим. Также мы хотим обсудить и новые проблемы, возникающие перед нашими странами. В мою задачу отнюдь не входит оказывать нажим на кубинских руководителей. Это наглое измышление американской пропаганды. Наши интересы едины. Мы марксисты-ленинцы и добиваемся достижения общих целей. Обстановка еще не полностью разрядилась. Мы обсуждали в ЦК КПСС существующую в настоящий момент обстановку и пришли к мнению, что полной разрядки еще нет.

В военном отношении наблюдается значительный спад опасности. Я могу добавить от себя, что по существу сейчас опасность уже спала. Однако, напряженность дипломатическая продолжает существовать. Планы военного нападения сорваны.

В отношении предотвращения военного нападения одержана победа. Однако, перед нами стоят еще большие задачи в области дипломатической. Надо добиваться, чтобы и из дипломатической напряженности выйти с победой.

В чем состоит эта победа? Как мы ее понимаем? Это я объясню подробно позднее.

Мне хотелось бы сделать все необходимое для того, чтобы вы хорошо нас поняли. Я не тороплюсь и, если вы не возражаете, пробуду на Кубе столько, сколько нужно для того, чтобы разъяснить все стороны нашей позиции. Мне кажется, что мы должны, в первую очередь, рассмотреть те вопросы, в связи с которыми возникли расхождения. Я сделаю все для того, чтобы вы меня правильно поняли. Мы должны рассмотреть все эти вопросы и определить, что мы сможем предпринять совместно для обеспечения успеха дальнейшего развития и будущего кубинской революции.

В момент острой военной опасности у нас не было возможностей для взаимных консультаций, зато в отношении дипломатических видов борьбы мы имеем хорошие возможности для обстоятельных консультаций для того, чтобы определить как действовать совместно.

Товарищи, я хотел бы начать с того, чтобы вы сами сказали мне какие действия советского правительства вызвали непонимание и расхождения во взглядах, с тем, чтобы дать необходимые пояснения. Правда, вчера товарищ Фидель Кастро мне многое уже рассказал. Но я хотел бы попросить и товарища Фиделя Кастро и всех вас задать все те вопросы, которые вас интересуют.

Ф. КАСТРО. Мои товарищи в курсе содержания вчерашней беседы, однако чтобы резюмировать интересующие нас вопросы, я хотел бы их кратко повторить. Как уже говорил товарищ Миколт, последние события в значительной мере сказались на моральном духе нашего народа. Они были расценены как отступление в момент напряжения всех сил страны. Наш народ воспитан в духе доверия к Советскому Союзу. Он полностью поддерживает политическую линию Советского Союза. Однако многие не поняли ту связь, которая существует между кубинскими событиями и постановкой вопроса о ликвидации американских баз в Турции. На наш народ произвел отрицательное впечатление неожиданный вывод советских ракет без консультации с кубинским правительством. Советский Союз дал согласие на инспекцию, также

не известия о своем решении кубинских руководителей. Необходимо учитывать особую ценность нашего народа, которая возникла в связи с рядом исторических событий. Особенное значение имела в этом отношении "поправка Платта", навязанная американцами Кубе. Используя поправку Платта, Соединенные Штаты Америки запретили кубинскому правительству самому решать вопросы внешней политики. Решения принимались американцами за спиной кубинского народа. В дни нынешнего кризиса также создается впечатление, что важные вопросы, всех нас волновавшие, обсуждались и решались в отсутствие кубинских представителей, без консультаций с кубинским правительством. Империалисты США приняли ряд агрессивных мер против Республики Куба. Они организовали морскую блокаду нашей страны, они пытаются определять, каки виды оружия мы можем использовать или не можем иметь. Они систематически нарушают воздушное пространство Кубы и возводят это нарушение суверенитета Кубинской республики в прерогативу правительства США.

Затем возникает вопрос о инспекции. Но инспекция — это очень большой вопрос для нас. Этот шаг мы не можем сделать. Если мы согласимся на инспекцию, то мы как бы позволим Соединенным Штатам Америки определять, что мы можем делать или не можем делать в вопросах внешней политики. Это ущемляет наш суверенитет.

В заключение беседы я сказал, что в условиях молодой страны, где совсем недавно победила революция, мы не можем проводить такую гибкую политику, какую проводит Советский Союз, государство украинское и в силу этого шведское возможности маневрировать, проявлять гибкость во внешней политике. Советский народ легко понимает подобные решения своего правительства.

Указанные факты представляют собой опасность для революционного процесса, для самой кубинской революции.

Я дал резюме вопросов, освещенных мной во вчерашней беседе с товарищем Линкольном. Мы не затрагивали вопросов оценки международного положения. Я отметил, что в момент наиболее острый оказалось, что мы не понимали цели предшествующих шагов. Нам, например, не было достаточно ясна цель размещения стратегического оружия на Кубе. Мы не могли понять, где же выход из сложившейся сложной

обстоянии. Мы отнюдь не думали, что выходом может явиться вывод стратегического оружия с территории Кубы.

Вчера товарищ Микоян разъяснил частично некоторые вопросы, и наша беседа была прервана в связи с получением трагического известия о кончине супруги А.И. Микояна.

А.И. МИКОЯН спрашивает: Может быть у кубинских товарищей есть еще какие-либо вопросы, на которые они хотели бы получить ответ?

ДОРТИКОС отвечает, что в резюме Эдгара Кастро-обобщены все вопросы, вызвавшие расхождения, однако он просит разъяснить, почему Н.С. Хрущев принял предложение Кеннеди сделать заявление о ненападении на Кубу при условии устранения с Кубы советских ракет, хотя кубинское правительство в то время еще не высказало своего мнения относительно этого предложения.

А.И. МИКОЯН спрашивает, есть ли еще вопросы.

К.Р. РОДРИГЕС говорит, что его вопрос связан с вопросом Дортикоса. Не ясно, в чем видит советское руководство суть одержанной победы: состоит ли она в военном успехе или успехе дипломатическом. Мы считали, что пока нельзя говорить о победе, так как гарантии с стороны США эфемерны.

А.И. МИКОЯН говорит, что будет отвечать на все вопросы, видящие товарищем Эдгаром Кастро и другими кубинскими руководителями возможно более подробно, чтобы кубинские товарищи хорошо нас понимали. Поэтому мне придется, замечает А.И. Микоян, говорить долго. Затем, когда вы выскажете свое мнение и когда вы, может быть, увидите еще какие-то вопросы, я хотел бы сказать еще несколько слов. Если мои аргументы покажутся вам не убедительными, скажите об этом я подумал, как сделать так, чтобы лучше меня понимали, постараюсь привести новые аргументы.

Главный вопрос, вопрос, имеющий ключевое значение, заключается в том, почему мы решили вывести стратегические ракеты с территории Кубы. Видно, вы согласны с тем, что это главный вопрос. Если не понять этот вопрос, то трудно понять и другие вопросы.

Будучи в Москве, я не думал, что мне будет задан этот вопрос. Ранее этот вопрос не возникал.

Судьба кубинской революции всегда волновала нас, особенно с того момента, когда Фидель Кастро объявил о строительстве социализма на Кубе. Очень важно, чтобы социалистическая революция в Латинской Америке развивалась и укреплялась. Когда мы получили сообщение о том, что вы разгромили контрреволюционный десант в районе Плайя Хирон, это, естественно, и обрадовало нас, но в определенном отношении и обеспокоило. Конечно, американцы поступили глупо, организовав такое вторжение. Но этот факт говорил о том, что они пытаются вновь организовать агрессию против Кубы, что они не потерпят, чтобы социалистическая Куба развивалась и укреплялась дальше. Кубинская революция представляет собой источник, в котором черпают силы революционные движения латиноамериканских стран. Кубинская революция — это угроза господству американских империалистов в Латинской Америке. Им трудно примириться с существованием Кубы, строящей социализм в непосредственной близости от их границ.

Это событие обеспокоило нас, потому что мы понимали, что американцы не оставят своих попыток удушения кубинской революции. И действительно, американские империалисты начали разрабатывать параллельно два плана. Первый план заключался в попытке экономического удушения Республики Куба с тем, чтобы вызвать недовольство внутри страны, вызвать голод и добиться падения нового режима за счет давления изнутри, без военной интервенции. Второй план предусматривал подготовку интервенции с использованием сил латиноамериканских наемников при поддержке Соединенных Штатов Америки. Этот план предусматривал вторжение как средство добить и прикончить революционный режим, если экономические трудности расшатывают его изнутри. К реализации этих своих планов американские империалисты приступили после поражения в районе Плайя Хирон.

Победа революции на Кубе является огромным успехом марксистско-ленинской науки, а поражение кубинской революции было бы вдвое или втрое большим по своему значению поражением всего социалистического лагеря. Это поражение отбросило бы назад революционное движение во многих странах. Поражение свидетельствовало бы о превосходстве сил империализма во всем мире. Это был бы невероятный удар, который изменил бы соотношение сил между двумя системами, затормозил бы развитие международного революционного движения. Мы считали

и считаем своим интернациональным долгом, долгом коммунистов сделать все необходимое для того, чтобы отстоять кубинскую революцию, сорвать планы империалистов.

Некоторое время назад наши товарищи сообщили, что экономическое положение в стране ухудшилось. Это ухудшение было вызвано нажимом со стороны американцев и большими расходами на нужды обороны. Мы опасались, что ухудшение положения может явиться следствием применения плана экономического удушения Кубы. ЦК КПСС обсудил создавшееся на Кубе положение и без просьбы с вашей стороны (вы народ скромный, стараетесь не беспокоить нас просьбами) решил принять ряд мер с целью усиления помощи Кубе. Если раньше вы получали часть оружия в кредит и только часть вооружения бесплатно, то в новых условиях мы решили поставлять вам бесплатно оружие, а частично и военное обмундирование — 100 тысяч комплектов в течение двух лет — и снаряжение. Мы видели, что кубинские торговые работники, которые принимали участие в переговорах, испытывают определенную трудность. Чтобы как-то свести баланс им не хватало более 100 миллионов долларов. Поэтому мы приняли все предложения с их стороны с тем, чтобы сорвать план Кеннеди, рассчитанный на взрыв Кубы изнутри.

То же самое можно сказать относительно продовольственных продуктов и промышленных товаров. С целью облегчить экономическое положение Кубы, мы доставили сюда необходимые промышленные изделия и продовольствие на сумму 198 миллионов рублей. Говоря откровенно, мы давали вам все, не считалась.

С моей точки зрения, сейчас мы вступили в новый этап наших отношений, которые имеют уже иной характер. Ведь на первом этапе существовала какая-то видимость взаимовыгодной торговли. В настоящее время эти поставки носят характер чисто братской помощи.

Я вспоминаю, что после поездки Н.С.Хрущева в Болгарию он сказал нам, что, находясь в этой стране, он все время думал о Кубе, боялся, что американцы организуют интервенцию с помощью реакционных правительств Латинской Америки или осуществят прямую агрессию. Они не хотят дать Кубе укрепиться, а поражение Кубы, говорил нам

Н.С.Хрущев, нанесло бы сильнейший удар по всему мировому революционному движению. Мы должны сорвать планы американских империалистов.

Тогда и возник план, который нес в себе большой риск. Этот план возлагал на советское правительство огромную ответственность, поскольку таил в себе риск войны, которую могли развязать против Советского Союза империалисты. Но мы решили, что необходимо спасти Кубу. Н.С.Хрущев в своё время рассказал нам об этом плане, но просил обдумать его очень глубоко, с тем чтобы принять решение через три дня. Нам нужно было продумать и последствия применения этого плана, как действовать на различных этапах его осуществления и добиться спасения Кубы, не допустив развязывания ядерной войны. Было принято решение поручить нашим военным подготовить свои соображения и переговорить с кубинскими руководителями.

Главное условие успеха этого плана заключалось в том, чтобы осуществить его тайно. Тогда американцы должны были бы быть поставлены в очень трудное положение. Наши военные сказали, что для осуществления этого плана необходимо 4 месяца. Мы предвидели, что половина подготовительного периода уйдет на доставку оружия и советских войск на территорию Кубы. Были также продуманы меры, которые могли бы не допустить развязывания мировой ядерной войны. Мы решили действовать через ООН, мобилизовать в таком случае мировое общественное мнение, сделать все, чтобы избежать мирового столкновения. Мы понимали, что американцы могут использовать блокаду. Особенно опасно, если империалисты США блокируют доставку на Кубу горючего. Они могут не ограничивать перевозки продовольственных товаров на Кубу, демагогически заявив, что они не хотят обречь кубинский народ на голод, но не допустить перевозок на Кубу оружия и горючего. А ведь Куба, не имея своих энергетических ресурсов, без горючего не может существовать. Наши коммуникации на Кубу очень растянуты. Нас разделяют громадные расстояния. Поэтому транспортировка на Кубу очень затруднена. Мы не можем использовать свои военно-воздушные силы и военно-морской флот в случае блокады Кубы. В условиях Карибского моря наш военно-морской флот слабее американского. Поэтому мы должны были использовать такие средства, как политическое маневрирование, дипломатия, использовать ООН.

Мы не могли блокировать в ответ американские базы, например, в Турции, так как не имели другого выхода в Средиземное море. Мы не могли предпринять подобных шагов ни в Норвегии, ни в Англии, ни в Японии. У нас нет достаточных возможностей для контрблокады. Было бы возможно применение контриер в Берлине.

В наши планы не входило создание своей базы здесь, на территории американского континента. Вообще линия на строительство баз на чужих территориях — это неправильная линия. Такая политика проводилась во времена Сталина. Существовала наша база в Германии, которую мы создали, основываясь на праве победителя. В настоящее же время наши войска размещены в Германии на основе Варшавского пакта. В Финляндии по договору существовала наша военно-морская база. Был у нас и база в Порт-Артуре, с тем, чтобы защитить наши восточные границы от Японии. Все эти базы были ликвидированы. В настоящее время у нас нет никаких баз на чужих территориях. Однако в Польше размещены наши войска с тем, чтобы обеспечивать коммуникации наших войск, находящихся в Германии, а в Венгрии расположены советские войска, прикрывающие нас со стороны Австрии. Нам не нужны и базы в Кубе для уничтожения Соединенных Штатов Америки. Мы имели ракеты дальнего действия, которые могут быть использованы непосредственно с нашей территории. У нас нет планов завоевания территории США. Рабочий класс этой страны одурачен капиталистической пропагандой. Кроме того, такой план противоречил бы и нашей теории. Ракеты дальнего действия мы можем использовать только для нанесения ответного удара, не прибегая к высадке войск на территории США.

Цель доставки советских войск и стратегического оружия на Кубу заключалась только в том, чтобы укрепить вашу обороноспособность. Это был план сдерживания, план, направленный на то, чтобы империалисты не играли с огнем в отношении Кубы. Если бы стратегическое оружие было размещено в условиях секретности, и американцы не знали бы о его существовании на Кубе, то оно явилось бы сильным средством сдерживания. Мы исходили из этого положения. Наши воени сообщали нам, что в пальмовых лесах Кубы стратегические ракеты можно надежно замаскировать от наблюдения с воздуха.

Мы с напряженным следили за транспортировкой войск и стратегических ракет на Кубу. Эти перевозки прошли успешно в июле и августе. И только в сентябре американцы узнали о переброске этих сил и средств. Разведка США работала плохо. Нас удивило, что Кеннеди в своих выступлениях говорил только о советских военных специалистах, а не о советских войсках. Он сначала действительно так и думал. Затем мы поняли, что он говорит не все, что знает, но молчит, чтобы не усложнить для себя проведение предвыборной кампании. Мы дали знать американцам, что хотим решить берлинский вопрос в ближайшее время. Это было сделано для того, чтобы отвлечь их внимание от Кубы. Т.е. мы использовали отвлекающий маневр. На самом деле мы совсем не собирались решать берлинский вопрос в это время. Если, товарищи, вопрос о Берлине вас интересует, то я мог бы дать вам необходимую информацию позднее.

Через конфиденциальные каналы Кеннеди обратился к Н.С.Хрущеву с просьбой, чтобы он не обострял положения до завершения выборов в конгресс и не приступал сейчас к решению берлинского вопроса. Мы ответили, что готовы подождать до окончания выборов, но сразу после выборов приступим к решению берлинского вопроса. Когда же американцы узнали о перевозках стратегического оружия на Кубу, они сами стали много кричать о Берлине. Обе стороны говорили о берлинском кризисе, но одновременно считали, что суть их политики в данный момент находится на Кубе.

В середине сентября американцы, повидимому, получили сведения о перевозке на Кубу советских войск и стратегических ракет. Я уже говорил об этом факте товарищу Фиделю Кастро. Эти сведения первой получила не американская разведка, а разведка Западной Германии и передала их американской разведке. Американское правительство направило самолеты в воздушное пространство Кубы для проведения аэрофотосъемки и установления районов размещения стратегических ракет. Н.С.Хрущев дал указание поднимать ракеты в вертикальное положение только в ночное время, а днем держать их в лежачем положении. Однако, американцам удалось сфотографировать ракеты в боевом поло-

нии. До конца проведения выборов в конгресс Кеннеди не хотел говорить о советских ракетах на Кубе. Он не хотел обострять отношения. Но два сенатора от республиканской партии узнали о факте размещения стратегических ракет на Кубе, и поэтому Кеннеди поспешил взять инициативу в свои руки, иначе ему бы пришлось очень трудно. Мы не имели информации относительно того, как он собирается действовать.

Соединенные Штаты Америки организовали маневры в районе острова Вьекес, дав этой операции условное наименование "Ортсак", т.е. Кастро, если читать наоборот. Однако, эти маневры могли оказаться не маневрами, а морскими прикритием с целью нанесения сильного удара по Кубе. В тот момент, когда Кеннеди выступил и заявил о решении организовать блокаду против Кубы, мы не знали, действительно ли американцы проводят маневры или готовятся к прямому нападению на Кубу.

28 октября утром мы получили достоверные сообщения о том, что готовится нападение на Кубу. Действительно, нам уже и ранее было известно, что американцы прервали маневры в связи с ураганом. Ураган прошел, маневры не возобновились, а американские боевые корабли продолжали оставаться в том же районе, в непосредственной близости к Кубе. Н.С.Хрущев дал ответ Кеннеди в связи с объявленным блокаде Кубы. Мы выступили решительно против попытки американцев присвоить себе право определять, какое оружие может использовать Куба и какое оружие ей нельзя иметь. И вот тогда американцы решили совершить прямую агрессию. Их план состоял из двух частей. Желая освободиться от угрозы удара с помощью стратегических ракет, они решили ликвидировать ракетные установки на Кубе ракетами с обычными боеголовками, а затем сразу же высадиться на территории Кубы с тем, чтобы быстрее ликвидировать очаги сопротивления.

В такой обстановке мы не могли бы не ответить на агрессию со стороны США. Это нападение означало бы нападение и на вас и на нас, так как на Кубе располагались советские войска и стратегические ракеты. В результате столкновения неизбежно была бы развязана ядерная война. Конечно, мы разрушили бы Америку, сами сильно пострадали бы, но наша страна обладает большей территорией. Первой была бы уничтожена Куба. Империалисты приложили бы все силы для того, чтобы уничтожить Кубу.

Целью всех тех мер, которые были приняты Советским Союзом, являлась защита Кубы. Необходимо было определить линии действий. Потеря Кубы означала бы огромный урон для всего социалистического лагеря. И именно в тот момент, когда мы обдумывали вопрос о том, как поступить в создавшейся обстановке, мы получили сообщение от товарища Кастро, это было в воскресенье, о том, что агрессия против Кубы будет развязана в ближайшие 24 часа. Из других источников мы располагали информацией о том, что агрессия США должна начаться в ближайшие 10-12 часов. Несмотря на то, что это были разные источники, информация совпадала. До момента начала агрессии со стороны США против Кубы оставалось 10-12 часов. Было необходимо использовать искусство дипломатии. Если бы мы не добились успеха в этом плане, то началась бы война. Нам нужно было использовать дипломатические средства.

Кеннеди заявлял, что он не против размещения на Кубе советского оружия, даже войск, но размещение стратегических ракет на Кубе свидетельствует о подготовке нападения на США. Поэтому США будут защищаться. Поскольку ракеты были обнаружены и перестали быть в связи с этим средством сдерживания, мы решили, что в целях спасения Кубы необходимо дать указание о демонтаже и возвращении стратегических ракет в Советский Союз и сообщить об этом Кеннеди. Вы согласились с выводом стратегического оружия с территории Кубы при оставлении там всех остальных видов оружия. Мы смогли сохранить все силы и средства, необходимые для обороны Кубинской республики, и без стратегических ракет, которые служили сдерживающим средством, но были обнаружены и, следовательно, потеряли свое значение. Мы располагаем достаточным количеством мощных ракет, которые могут быть использованы с нашей территории. Поскольку Кеннеди согласился на оставление советских войск на Кубе, у кубинцев осталось сильное оружие и зенитные ракеты, мы можем считать, что он также пошел на уступку.

Заявление со стороны Кеннеди о ненападении на Кубу силами США и латиноамериканских государств также представляет собой уступку. Если мы примем во внимание эти взаимные уступки, учтем все другие

факторы, то мы увидим, что одержана большая победа. Никогда раньше американцы не делали подобных заявлений. Вот почему мы решили, что главная цель — сохранение Кубы — достигается. Нападения на Кубу не будет. Не будет и войны. Мы получаем более выгодные позиции.

Проект нашего решения надо было бы конечно послать на Кубу для консультации с вами, получить ваше согласие и только потом публиковать его. Так было бы сделано, если бы существовали нормальные условия. В своем письме к нам Фидель Кастро сообщил, что в ближайшие 24 часа ожидается неминуемая агрессия. К моменту, когда это письмо было получено, и мы обсуждали сложившуюся обстановку, до начала агрессии оставалось 10-12 часов. Если бы мы попытались направить проект своего решения вам, то нужно было бы зашифровать документ, передать его по радио, расшифровать, перевести на испанский язык. На все это могло уйти более 10 часов и такая консультация не имела бы уже смысла. Было бы поздно. Могло случиться так, что ответ от Кубинского правительства был бы получен, но сама Куба перестала бы существовать, началась бы война. Это был критический момент. Мы думали, что наши кубинские друзья нас поймут. Тем более мы знали из телеграммы Фиделя Кастро, что кубинские руководители знают о непосредственной угрозе нападения. В этот момент главная цель состояла в том, чтобы предотвратить нападение. Мы считали, что кубинские товарищи нас поймут. Поэтому мы и приняли решение действовать немедленно, не приняв, может быть, в силу этого во внимание психологический фактор, о котором говорил здесь товарищ Фидель Кастро.

Что касается перемирия, о возможности которого для того момента упоминали кубинские товарищи, то американцы не пошли бы в создавшихся условиях на такой шаг. В Пентагоне много реваншистов, по отношению к которым Кеннеди является сдерживающим элементом. Американцы ворвались бы на Кубу. У нас не было времени. Конечно, это решение создавало известные трудности для вас, для кубинского народа.

Сравним положение в настоящее время и положение до кризиса. До кризиса американцы готовили интервенцию против Кубы. Теперь они взяли на себя обязательство не нападать на Кубу. Это большой

успех. Конечно, события имели и отрицательные последствия, тем более, что американская пропаганда пытается использовать в своих целях некоторые факты, извращая их. Но это неизбежно. Это издержки имеющих поворотное значение событий. Наша задача — устранить отрицательные последствия последних событий.

Товарищ Дортикос прав, когда спрашивает, почему мы дали согласие на послание Кеннеди о ненападении на Кубу без согласования с Кубинским правительством. Однако такое согласие именно и обеспечило какое-то перемирие на определенное время.

Нельзя нигилистически подходить ко всем соглашениям и обязательствам, хотя иногда эти соглашения и обязательства и имеют значение лишь на протяжении определенного времени, пока не изменятся условия. Однако, до изменения обстановки они сохраняют свое значение.

Нам задали вопрос относительно нашего требования ликвидации американских баз в Турции.

Говоря откровенно, мы совершенно не думали о базах в Турции. Но во время обсуждения сложившейся опасной обстановки мы получили информацию из Соединенных Штатов Америки, в которой содержалась статья Линдмана, где говорилось, что русские могут поставить вопрос о ликвидации баз США в Турции. О возможности выдвижения такого требования говорили в американских кругах. Этот вопрос дискутировался в США. Так возникло это требование. Однако позднее мы на нем не настаивали, поскольку базы США в этой стране не являются для нас проблемой. Турецкие базы не имеют для нас большого значения. Они будут уничтожены в случае войны. Конечно, они имеют определенное политическое значение, но мы не обращаем на них особого внимания, хотя будем добиваться их ликвидации.

Я теперь из ваших выступлений вижу, что кубинцы это требование рассматривали чуть ли не как своего рода обмен. Есть базы США не только в Турции, но и в Англии и в других европейских странах. Но в настоящее время эти базы не имеют решающего значения, так как стратегические ракеты дальнего действия, нацеленные на Европу, могут их быстро уничтожить.

Ф.КАСТРО. Есть вопрос, по которому мы недостаточно информированы.

26 октября советское правительство направило Кеннеди письмо, в котором не говорилось о Турции. 27 октября мы услышали о Турции в сообщениях советского радио. Американская пресса высказывала определенное удивление, потому что в послании от 26 числа эта проблема не выдвигалась. Что это, ложное сообщение или было два письма от 26 и 27 октября? Мы получили одно письмо, которое совпало с документом, переданным московским радио.

А.И.МИКОЛЮ. Было два письма. Письмо от 26 не опубликовывалось. Письмо от 27 октября было опубликовано. Однако, содержание письма от 27 октября перекрывает вопросы, поставленные в письме от 26. Сначала не ставился вопрос о Турции. Затем этот вопрос был включен. Вы располагаете всей перепиской по этому вопросу. Если в этом есть необходимость, то мы можем это проверить.

Ф.КАСТРО. Вот письмо от 26 октября, текст которого, как мне показалось, идентичен с другим, имеющимся у меня письмом, принятым по передаче московского радио и ТАСС. Мне казалось, что одно письмо не было опубликовано.

А.И.МИКОЛЮ. Если хотите, мы проверим.

Ф.КАСТРО. Когда все-таки Кеннеди принял предложение Н.С.Хрущева и обещал гарантии не нападать на Кубу? Не в ответе ли на письмо от 26 октября? Что он сказал тогда?

К.Р.РОДРИГЕС. Были секретные письма.

А.И.МИКОЛЮ. Все документы, товарищи, вам переданы.

Ф.КАСТРО. 27 октября Кеннеди дал гарантии не нападать на Кубу, если Советский Союз уберет наступательное оружие. Создается впечатление, что это был ответ на письмо от 26 октября. Это важный вопрос. Он решался срочно, без консультаций. По-видимому, до моего письма Хрущеву. Н.С.Хрущев написал Кеннеди и одновременно с моим письмом пришел ответ Кеннеди Хрущеву. Откуда же Кеннеди в своем ответе от 27 октября на послание Хрущева от 26 октября уже говорил о советском предложении о демонтаже и прочее, хотя в конфиденциальном послании Хрущева от 26 октября прямо этого не было сказано.

ночью после послания Кеннеди начались переговоры. Следовательно, нельзя было считать нападение неизбежным. Когда я писал Н.С.Хрущев я не знал, что Хрущев писал Кеннеди, а Кеннеди - Хрущеву. Мне кажется, что 27 октября уже не существовало неминуемой угрозы нападения уже был найден принцип соглашения. Мне кажется, что было время для консультации.

А.И.МИКОЯН. Кеннеди в своем ответе от 27 октября формально отвечал как будто только на конфиденциальное послание от 26 числа, фактически же он отвечал как на это, так и, главным образом, на послание Хрущева от 27 числа, открыто переданное по радио, хотя в послании Кеннеди прямой ссылки не было. Все послания Хрущева и Кеннеди и все, что получено от него конфиденциально, было передано товарищу Фиделю. Я участник всех заседаний, знаю хорошо, но если вы хотите, чтобы я проверил, то я проверю все документы, которые находятся у меня с собой, и завтра дополню свою информацию.

Б.КАСТРО. Я согласен с предложением товарища Микояна.

А.И.МИКОЯН. Итак, перейдем к следующему вопросу.

Многим кубинцам кажется, что лучше вместо выдвинутого требования ликвидации американских баз в Турции было бы поставить вопрос о ликвидации базы Гуантанамо. Это требование кажется заманчивым с политической и национальной точек зрения для Кубы. Однако с точки зрения военных и реальных интересов Кубы нам так ставить вопрос было нельзя. Если бы ставился вопрос о выводе всех видов оружия с Кубы, всего вооружения, тогда его можно было бы так поставить. В Гуантанамо нет атомного оружия. Мы же не имели намерений вывести все оружие с Кубы. База Гуантанамо большого реального значения не имеет, так как американцы могут перебазировать свои силы на Кубу без трудностей в силу географического положения США по отношению к Кубе. Нельзя же было терять все наше оружие на Кубе. Если бы мы поставили вопрос о ликвидации базы Гуантанамо в обмен на вывод с территории Кубы советского оружия вообще, то это подорвало бы обороноспособность Кубы. Мы не можем этого сделать. Вы знаете, что в послании Н.С.Хрущева Кеннеди говорилось, что мы "хотим создать уверенность у кубинского народа, что мы находимся вместе с ним и несем с себя ответственность за оказание помощи кубинскому народу".

Д. КАСТРО. Но речь идет только о стратегических ракетах. Этот акт имел бы не столько военное, сколько политическое значение. Мы искали выход из создавшейся ситуации. Можно было бы, как нам кажется, создать для американцев более трудную обстановку, поставив такой вопрос, как ликвидация базы Гуантанамо.

А. И. ШКОЛЯН. Если бы американцы приняли такое предложение, а на это они могли бы пойти, нам пришлось бы покинуть Кубу. Мы не могли этого допустить.

Теперь я перейду к вопросу об инспекции. Если бы мы заявили, что отклоняем инспекцию, то американцы поняли бы так, что мы хотим их обмануть, и интервенция могла бы оказаться свершившимся фактом. Мы заявили, что согласны на проверку. Речь не идет о широкой инспекции, а только о проверке тех мест, которые были известны американцам в результате аэрофотосъемки и в которых располагались стратегические ракетные установки. Была бы проверка того, действительно ли демонтированы ракеты и действительно ли осуществлена их погрузка, причем проверка районов, в которых ранее монтировались ракеты, могла бы закончиться в день и проверка погрузки — в несколько дней. Речь не шла ни о какой постоянной и общей инспекции. Говорилось о одновременной проверке со стороны представителей нейтральных стран. Этот вопрос мы не решали за нас. Кубинские вопросы полностью решаются кубинским руководством. Но, будучи владельцами этого вида оружия, мы заявили о своем согласии на контроль за демонтажом и погрузкой. Мы думали, что после согласования с вами, вы примите это предложение, но за вас мы не могли решать этот вопрос.

Мы допускали, что можно согласиться на проверку представителей нейтральных стран факта демонтажа и вывоза ракет, не ущемляя суверенитета Кубы. Конечно, никакое государство не допустит попраiania своего суверенитета. Однако, и суверенные правительства допускают в определенных случаях ограничение своих действий в силу добровольных соглашений. Речь не идет о тех случаях, когда иностранные державы навязывают свою волю другим странам.

Я мог бы привести примеры относительно добровольного ограничения своих действий при сохранении суверенных прав как нашим государством, так и другими государствами. Вот, например, на территории иностранных посольств не распространяется суверенитет государства пребывания. Мы видим пример ограничения действий, но в этом случае суверенитет не ограничивается.

Другой пример. Когда в Женеве обсуждалась проблема Индокитая, было достигнуто соглашение о создании международной контрольной комиссии. Предложение было выдвинуто представителями Советского Союза, Китая и других стран. Это предложение поддержал и руководитель Демократической Республики Вьетнам товарищ Хо Ши Мин, которого это касалось прямо. В настоящее время как Хо Ши Мин, так и король Камбоджи просят сохранить эту международную контрольную комиссию. В данном случае нет никакой речи об ограничении суверенных прав ни Вьетнама, ни Камбоджи.

Далее. Между Индией и Пакистаном в районе Кашмира действует международная контрольная комиссия, которая не ущемляет суверенных прав ни Индии, ни Пакистана.

Несколько лет назад мы предложили американцам и англичанам, в целях уменьшения опасности внезапного нападения, создать взаимно международные контрольные посты на железнодорожных узлах, в крупных портах и на автомагистралях. Мы также предлагали в свое время организовать международный контроль в полосе, распространяющейся на 300 километров по обе стороны от линии разграничения в Германии. В случае принятия этого предложения, контролировалась бы часть территории нашей страны, территории Польши и Венгрии. И такой акт, при условии добровольного принятия на себя обязательств, не подрывал бы суверенных прав государств.

Таким же примером является и создание международной комиссии в Лаосе для контроля за соблюдением соглашения 1962 года, в частности, для контроля за выводом иностранных войск из Лаоса и за соблюдением запрета ввоза туда оружия. Суванна Фума не возражал против подобного контроля. Коммунисты Лаоса и Вьетнама допустили международный контроль, коммунисты Индии не возражали против контроля. Поляки согласились проверить вывод американских войск и войск Хо Ши Мина. И это делалось с согласия товарища Хо Ши Мина и лаосских коммунистов.

Я привожу вам все эти примеры потому, что, когда мы, учитывая этот опыт, думали о вас, то не приняли во внимание этого психологи-

ческий фактор, о котором мы здесь узнали от Фиделя Кастро. Принципиально это всё правильно, но не все, что хорошо в принципе, бывает хорошо для данной конкретной обстановки.

Все, что я говорю, я говорю не для того, чтобы добиться изменения внешнеполитической позиции Кубы, а для того, чтобы вы поняли мотивы, которыми мы руководствовались. О попытке давления с моей стороны на вас не может быть и речи.

Во время беседы в Нью-Йорке с Макклоем я коснулся вопроса проверки демонтажа палих ракет. Макклой сказал, что, так как Куба возмущается против проверки, организуемой с помощью нейтральных стран, США не настаивают на этой форме проверки, и необходимо искать другие меры для того, чтобы американцы могли убедиться, что это сделано. Он сказал, что они знают о работах по демонтажу, но боятся, что ракеты могут быть спрятаны в кубинских лесах. Им необходимо знать, что данное оружие вывезено с территории Кубы. Я спросил его относительно других методов проверки, которые он имеет в виду. Макклой мне ответил, что, по их мнению, для этой цели может быть использована воздушная инспекция, но необходимо, чтобы Куба согласилась на проверку, осуществляемую с воздуха. В ответ я решительно сказал, что такой метод исключается, поскольку он затрагивает суверенные права Кубы. Добавил, что не стоит больше говорить по этому вопросу, мы категорически отвергли такую форму и даже не будем сообщать об этом предложении кубинцам.

Мы знали, что американские самолёты летали над территорией Кубы, провели аэрофотосъёмки. Я сказал Макклою, что на основании этих аэрофотосъёмок американцы убедились, что работы по демонтажу советских ракет уже ведутся. Он мне ответил, что аэрофотосъёмки отражают ход работ по демонтажу, но это ещё не все, поскольку, по его мнению, демонтаж затягивается. Макклой отметил, что для американцев очень важно убедиться в удалении ракет с территории Кубы. Тогда у них уже не будет опасения, что ракеты спрятаны в лесах. Необходима информация, добавил он, чтобы мы убедились в вывозе ракет. При этом американцы не просят какой-то секретной информации, их беспокоит вопрос, вывезены ли ракеты.

Я не мог, продолжал А.Н.Микоян, далее обсуждать этот вопрос с

Макклоен, но знал, что к Кузнецову прилетели из Советского Союза военные консультанты — генерал и полковник. Надеюсь, что вопрос будет изучаться далее.

Есть еще метод, о котором я не говорил американцам, но вам могу сказать. Можно получить фотографии процесса демонтажа стратегических ракет и хода погрузки, и эти документы могут быть использованы для достижения поставленной цели.

Как осуществляется проверка на море? Это делается на значительном расстоянии от территориальных вод. Наблюдатели осматривают суда и дают согласие на их дальнейшее следование.

1 ноября во время беседы с Макклоем я ничего не сказал американцам относительно того, что мы ищем пути сдержать обстрелы и дать американцам возможность убедиться в том, что демонтаж и вывоз ракет действительно осуществлен. Мы делаем это для того, чтобы не противоречить вашему заявлению относительно несогласия с контролем на кубинской территории. Макклой во время беседы сказал мне, что кубинцы могут не позволить вывести с Кубы стратегические ракеты. Он добавил, что у кубинцев 140 тысяч солдат, а численность советских войск составляет 10 тысяч. Относительно первого замечания я ответил ему, что это чепуха, поскольку сам Фидель Кастро объявил, что он не возражает против вывоза советских стратегических ракет. Я, конечно, не оспаривал данных о численности войск.

Между прочим он сказал, что У-2 был сбит над кубинской территорией русскими ракетами, хотя зенитные ракетные установки, по его мнению, могли обслуживаться и кубинцами. Я не стал ни подтверждать, ни оспаривать этого высказывания Макклоя.

Ф.КАСТРО. Эти самолеты летают на высоте 22 тысяч метров, а потолок нашей артиллерии ниже. Поэтому можно понять, что для этого были использованы зенитные ракеты.

А.И.МИКОЯН. Я не стал с ним дальше обсуждать этот вопрос.

Мы настаивали на немедленном снятии карантина. Если вы хотите, чтобы мы возможно раньше закончили вывоз стратегических ракет с Кубы

сказал я Макклоу, то откройте доступ судам к Кубе, поскольку пшеницы пароклодов на Кубе не хватит для вывоза техники и личного состава. Это можно было бы сделать до достижения официального соглашения, с целью ускорить эвакуацию. Макклоу ответил, что он согласен дать указание о том, чтобы фактического досмотра судов не производилось. Контроль будет абсолютно формальным. Таким, какими он оказался при встрече танкера "Бухарест" с американскими судами. По радио был задан вопрос относительно характера груза, и "Бухарест" без досмотра пошел на Кубу. Никто не останавливал корабля, никто не поднимался на его палубу.

Я возражал и против такого рода контроля. Затем мы порешили к другим вопросам. Стивенсон сказал мне, что американцы приняли предложение У Тана. Я упрекнул американцев, ответил, что У Тан предлагал оружие не вывозить и снять блокаду. Мы приняли предложение У Тана о контроле со стороны Красного Креста.

Вообще следует отметить, что в перевозках грузов на Кубу заинтересованы вы, не мы. Грузы идут для вас. Мы терпим значительные убытки. Пароходы вынуждены идти в море. Мы были вынуждены согласиться на проверку со стороны Красного Креста, чтобы сократить убытки. Такой контроль лучше, чем американский. Эта организация не носит ни политического, ни государственного характера. Суды, которые могут быть использованы для этого контроля, не американские, а нейтральные и советские.

У Тан предложил два варианта проверки: в порту и в море. Мы, не желая задеть ваших чувств, ответили, что согласны на контроль в море, а не в порту. Этот вопрос, главным образом, имеет значение для вас. Но желая облегчить ваше положение, мы согласились на контроль со стороны Красного Креста в море.

Вернувшись из Гаваны, У Тан сказал мне в Нью-Йорке, что вы не согласны на контроль в портах, хотя, по его мнению, в порту это делать удобнее. У Тан готов подобрать соответствующий персонал. Он располагает двумя кораблями. Я об остальных деталях этого вопроса не информирован. Им занимается товарищ Кузнецов.

Еще надо было бы остановиться на вопросе, связанном с планом У Тана и с проверкой.

В обстановке, которая ослепила в дни кризиса, У Тан вел себя прилично, даже хорошо. Большого от него нельзя и требовать. Он с симпатией относится как к нам, так и к Кубе, но его положение совсем не легкое. Мы получили "план У Тана", план гарантий, который был разослан всем. Этот план показался нам интересным и полезным для Кубы. Что положительного мы видим в этом плане?

Если будут созданы пункты наблюдения ООН на Кубе, на влиянии политике США и в странах Центральной Америки, то попытки подготовки агрессии против Кубы будут быстро разоблачаться. Таким образом, можно будет быстро пресекать попытки агрессии против Кубы. Этот вопрос я оценивал с точки зрения международного права. Не исключено, что может быть нарушено и подобное соглашение, но в нормальных условиях это не должно случиться.

Данный вопрос интересен еще и с другой точки зрения. Существует Организация американских государств (ОАГ). Соединенные Штаты Америки пытаются прикритаться ОАГ, не желая допустить инспекции ООН. Если бы американцы приняли инспекцию ООН, то оказалось бы, что дела Латинской Америки репутация ООН ипсуа ОАГ. Одним словом, мы положительно относимся к плану У Тана. Он сказал, что и Фидель Кастро отнесся к его плану положительно, но я не знаю, действительно ли таково мнение товарища Фиделя Кастро.

У Тан сказал мне, что представители латиноамериканских стран, с которыми он разговаривал, отнеслись положительно к его плану. Я интересовался позицией США. У Тан сообщил, что американцы сказали ему - это дело ОАГ, не выразив собственного отношения к плану. Но я выяснил этот вопрос в беседе с Макклоем. Сначала Макклой и Стивенсон сказали, что никакого "плана У Тана" нет. Затем признались, что знают о плане, но заявили, что США против организации контроля на своей территории.

Макклой сказал, что они могут дать слово, что на территории Центральной Америки все лагеря по подготовке наемников ликвидированы или ликвидируются. Я задал вопрос Макклою, во всех ли странах это осуществлено. Макклой ответил, что надо проверить. Я спросил, почему США вербуют кубинских контрреволюционеров в свои вооруженные формирования. Он долго впалял, пытался объяснить тем, что этих людей

нужно научить английскому языку. Он хитрил, увиливал. Затем заявил, что Куба представляет собой "источник революционной инфекции". Стивенсон отметил, что США хотели бы найти возможность урегулирования кубинского вопроса, но Куба опасается США, а США боятся Кубы. Больше мы не обсуждали этот вопрос. Но создается впечатление, что в форме декларации или какой-либо иной форме есть возможность заключить соглашение относительно того, что Куба и государства Центральной Америки обязуются не вести подрывной работы и не нападать друг на друга.

Товарищ Фидель Кастро правильно отметил, что в вопросах международной политики надо маневрировать. Советскому Союзу легче это делать, чем Кубе, тем более, что американская пропаганда затрудняет наши возможности маневрирования. Следует сочетать твердость с гибкостью в проведении политической линии. Это необходимо в нынешних условиях для дипломатов-марксистов. Неправильно говорить, что мы либеральнее некоторых. Мы тверды, но проявляем гибкость, когда это необходимо.

Революция на Кубе имеет огромное значение не только для кубинского народа, но и для стран Латинской Америки, для стран всего мира. Революция на Кубе должна укрепляться и развиваться. Поэтому необходимо использовать маневры, быть гибкими, обеспечивая тем самым победу.

Действительно над американцами одержана победа, и вот почему. Если посмотреть в плане ретроспективном, то возникает вопрос, были ли ошибки отправка стратегических ракет на Кубу и их возвращение в Советский Союз. ЦК КПСС считает, что в этом ошибки не было. Стратегические ракеты сделали свое дело. Куба оказалась в фокусе мировой политики, и теперь, когда они сделали свое дело, когда их обнаружили, они больше не могут служить средством сдерживания. Их вывозят. В руках кубинского народа остается сильное оружие. В Латинской Америке нет страны, которая обладала бы такой высокой обороноспособностью, была бы столь мощной в военном отношении, как Куба. Если не будет совершенно прямой агрессии ^{США}, то любая группировка латиноамериканских стран не имеет возможностей одолеть Кубу.

Давайте постараемся понять, в чем состоит наша победа. Сравним положение в июне и сейчас в ноябре. Американцы как будто забыли о доктрине Монро. Кеннеди о ней больше не говорит, а ведь доктрина Монро была основой американского империализма в Латинской Америке. Американцы заявляли ранее, что не потерпят марксистского режима на американском континенте. Теперь же они берут на себя обязательство не нападать на Кубу. Они говорили, что на американском континенте не могут присутствовать в той или иной форме иностранные державы. Они знают о советских военных на Кубе, но не говорят о доктрине Монро.

Куба оказалась в фокусе международных политических событий. Организация Объединенных Наций занимается кубинским вопросом. У Тан фактически выступает в поддержку Кубы и против политики США. А ведь помните, ранее поддержки Кубы в ООН не удавалось добиться. Мобилизована мировая общественность, а ранее даже некоторые народы были против Кубы.

В США истерика, но в душе многие люди понимают справедливости кубинских требований.

Наконец, укрепился престиж социалистического лагеря. Он защитил мир, несмотря на то, что США быстро катились к войне.

Народы объединились, чтобы противостоять планам американцев, направленным на развязывание войны, в то время как советская политика проводилась в плане борьбы за разрешение вопросов мирным путем.

Непосредственная угроза военного нападения на Кубу отпала. Я думаю, что она отодвинулась на ряд лет.

Теперь необходимо зафиксировать успех в дипломатическом плане, чтобы Куба — маяк латиноамериканской революции, развивалась во всех отношениях быстрее и решительно действовала бы своим примером мобилизуя на борьбу другие народы.

Наша поддержка становится все более активной. Мы вам помогаем как братьям. Возникло больше возможностей.

Американцы вынуждены считаться с Кубой, решать вопросы, связанные с Кубой, при нашем участии. Речь не идет о России, как таковой, а как о стране социализма. Социализм, который вы так же достойно представляете, стал определяющим фактором в международной политике. Американская пропаганда утверждает о снижении престижа Кубы. Наоборот, в результате этих событий престиж Кубы несомненно укрепился.

В самонаписные беседы А.И. Микоян презент новинки в связи с тем что заучили кубинских товарищей. Но, добавляет он в шутку, в порядке компенсации он также изучился. Намного полное равенство.

Предложили условиться о времени следующей встречи.

Э. НАСТРО попросил, при возможности, рассказать о нашей политической линии в связи с берлинскими вопросами.

А.И. МИКОЯН ответил, что он это сделает, а также расскажет об обмене письмами между КПСС и компартиями Индии и Китая по вопросу о конфликте между Индией и Китаем. Он может рассказать о наших планах в проведении борьбы за разоружение, о прекращении испытаний ядерного оружия и ответить на любые другие вопросы, включая и вопросы экономики.

Было решено, что следующая встреча состоится также во Дворце президента в 14 часов 5 ноября с.г.

На беседе присутствовал посол Алексеев.

Записал (А.И. Микоян)

TRANSLATION FOLLOWS

Memorandum of Conversation between Mikoyan and Cuban Leaders
4 November 1962

MEMORANDUM OF CONVERSATION

A.I. MIKOYAN with Fidel CASTRO, Oswaldo DORTICOS TORRADO, Raul CASTRO, Ernesto GUEVARA, Emilio ARAGONES and Carlos Rafael RODRIGUEZ

4 November 1962

A.I. MIKOYAN transmitted to the Cuban leaders cordial fraternal regards on behalf of the Presidium of the CC CPSU and N.S. Khrushchev. He said that the Central Committee of the CPSU feels admiration and respect toward Cuban leaders, who from the very beginning of their struggle demonstrated courage and fearlessness, confidence in revolutionary victory in Cuba, readiness to devote all their forces to the struggle. We are proud of the victory achieved by the Cuban revolution against interventionists on Playa Giron [Giron Beach, Bay of Pigs]. Cuban revolutionaries demonstrated such a potent spirit of resistance that it inspires admiration and proves that the Cubans are always ready to fight until victory is achieved. Cuban leaders have shown great courage, intrepidity, and firmness in dangerous days. The CC CPSU admires the readiness of the Cuban people to stand up. We trust Cuban leaders as we do ourselves.

In the course of the Cuban events our party and government were acting having in mind to do whatever was necessary to make [the situation] better for Cuba. When Ambassador Alekseev informed [us] about the opinion of comrade Fidel Castro, that there are some differences between our parties, we were very pained. Immediately all the leadership held a meeting. For the question of Cuba worries us a lot. We felt it necessary to re-establish mutual trust because trust is the basis of everything, the basis of really fraternal relations. We understood that no correspondence can suffice to explain completely the misunderstanding of those days. Therefore the CC CPSU decided to send me to Cuba in order to explain to our friends the Soviet position and to inform them on other subjects that may be of interest to them. We know, - Mikoyan continued, - that if we explain everything frankly then you, our brothers, will understand us. Comrade Mikoyan made the observation that he, naturally, had no intention to put pressure [on Cuba], that his task was to explain our position. Being acquainted with the Cuban comrades, - A.I. Mikoyan said, - I'm confident that they will agree with it. It is certainly possible that even after our explanations there will remain some issues about which we shall still have different points of view. Our task is to preserve mutual trust which is needed for really friendly relations with Cuba, for the future of Cuba and the USSR and the whole world revolutionary movement.

Yesterday comrade Fidel Castro explained very frankly and in detail that the Cuban people had not understood everything regarding the most recent actions of the Soviet government. Comrade Fidel Castro also spoke on the issues which worry the

Cuban leadership. He underlined the role of the psychological factor which has special significance in Cuba. Several particularities of the psychological mold of Cubans have formed as a result of the historical development of the country. And, as comrade Fidel Castro was saying, it is very important to take this into account.

In New York, said Mikoyan, I learned the substance of the speech by comrade Fidel Castro on 1 November. Certainly I could not perceive completely the speech insofar as the American press frequently distorts the substance of the statements made by Cuban leaders. But even on the basis of the American press interpretation I understood that it was a friendly speech pronounced by comrade Fidel Castro underlining the great significance of friendship between the Soviet Union and Cuba, mentioning the broad aid rendered by the Soviet Union to Revolutionary Cuba. He also said that there were some differences in views between us, but those differences had to be discussed on the level of parties and governments, not massive rallies. Those words of Fidel Castro, testifying sentiments of friendship and trust toward our country, were reaffirmed by the welcome reception on my arrival to Havana. The very tone of the conversation with comrade Fidel Castro was imbued with a sense of fellowship and trust.

I'm confident, continued Mikoyan, that the existing mutual trust between us will always be there notwithstanding some differences of opinion. The American press spreads a lot of conjectures regarding the aim of my trip to Cuba. They are writing that I went to Havana allegedly in order to apply pressure on Cuban leaders, in order to "pacify" them, as [U.S. negotiator John] McCloy had stated to the American newspapers. About my conversation with McCloy I can tell you in detail afterward, but first of all I would like to answer the main questions.

As I have already stated before my departure from New York, the Soviet government was supporting the five points put forward by comrade Fidel Castro. The demand on liquidation of the US Guantanamo base is a just and correct demand. I had no plans to speak publicly in New York, but when I read in the American press the speculation about the objectives of my trip, I decided to voice that statement in order to make my position completely clear. Using radio, American propaganda is trying to embroil Cuba [in conflict] with the Soviet Union, is trying to sting Cubans to the quick. It's natural. Because the enemy can't behave differently. He always acts like this. But the enemy must be repulsed.

By decision of the CC CPSU, my task includes explaining our position to Cuban leaders within my abilities and capacities, so that no doubts are left. We also want to discuss new problems that arise in front of our two countries. It is not a part of my task at all to put pressure on Cuban leaders. That is an impudent conjecture of American propaganda. Our interests are united. We are Marxist-Leninists and we are trying to achieve common objectives. We discussed the current situation at the CC CPSU and came to a decision that there was no complete relaxation of tensions yet.

On the military side we can observe a considerable decrease in danger. I can add for myself that in essence currently the danger has abated. But the diplomatic tension still exists. Plans for military assault have been frustrated.

A victory was gained regarding prevention of a military assault. But still we are facing even larger tasks on the diplomatic field. We must achieve a victory over the diplomatic tension, too.

What does that victory mean? How do we understand it? I'll explain later.

I would like to do whatever is necessary to ensure that you understand us correctly. I'm not in a hurry and if you don't object, I'll stay in Cuba as long as necessary to explain all the aspects of our position. I think, first of all, we must consider those issues where some differences have appeared. I'll do my best to help you understand us. We must consider all these questions and decide what can be done jointly to ensure the success of the further development and future of the Cuban revolution.

At the moment of critical military danger we had no opportunity for mutual consultations, but now we have good possibilities for thorough consultations on diplomatic forms of struggle in order to determine how to act in common.

Comrades, I would like to begin by asking you to say, what steps of the Soviet government have caused misunderstanding and differences, in order to give you the necessary explanations. True, yesterday comrade Fidel Castro already narrated much about this. But I would like to ask both comrade Fidel Castro and all of you to raise all those questions that you are interested in.

F. CASTRO. My colleagues are aware of the substance of our conversation yesterday, but in order to summarize the questions which are important for us let me repeat them briefly. As comrade Mikoyan has already said, recent events have considerably influenced the moral spirit of our people. They were regarded as a retreat at the very moment when every nerve of our country had been strained. Our people is brought up in the spirit of trust in the Soviet Union. Nevertheless, many people do not understand the linkage between the Cuban events and the issue of the liquidation of American bases in Turkey. The unexpected withdrawal of Soviet missiles without consultations with the Cuban government has produced a negative impression upon our people. The Soviet Union gave its consent for inspections also without sending a notification to the Cuban leadership. It is necessary to take into account the special delicacy of our people which has been created as a result of several historic developments. The "Platt amendment," imposed by the Americans upon Cuba, played a particular role in this regard. Using the Platt amendment the United States of America prohibited the Cuban government from deciding by itself questions of foreign policy. The decisions were made by the Americans behind the back of the Cuban people. During the current crisis there was also an impression that important issues, concerning all of us, were discussed and resolved in the absence of Cuban representatives, without consultations with the Cuban government. The USA imperialists undertook a series of

aggressive measures against the Republic of Cuba. They set up a naval blockade of our country, they try to determine what kind of armament we can have and use. Systematically they violate Cuban air space and elevate these violations of the sovereignty of the Cuban Republic into a prerogative of the USA administration.

There is the question of inspections. True, inspections are a sore subject for us. We cannot take that step. If we agree to an inspection, then it is as if we permit the United States of America to determine what we can or cannot do in foreign policy. That hurts our sovereignty.

In conclusion I said that we are a young country, where a revolution has recently triumphed, so we can't carry out such a flexible policy as does the Soviet Union because they are a consolidated state and on that ground they have possibilities for maneuvering, for flexibility in foreign policy. The Soviet people easily understand similar decisions of its government.

The mentioned facts represent a danger for the revolutionary process, for the Cuban revolution itself.

Here is the summary of the questions elucidated by me in the conversation yesterday with comrade Mikoyan. We didn't touch on the issue of the assessment of the international situation. I made the observation that at the most critical moment it had appeared that we had no understanding of preceding steps. For example, the objective of placing strategic armaments in Cuba was not clear enough for us. We could not understand where the exit was from that complicated situation. By no means were we thinking that the result could be a withdrawal of strategic armaments from Cuban territory.

Yesterday comrade Mikoyan partly explained some issues but the conversation was interrupted by the tragic news of the spouse of A.I. Mikoyan.

A.I. MIKOYAN asks: Perhaps the Cuban comrades want some other questions to be answered?

DORTICOS makes the observation that in the summary offered by Fidel Castro there have been generalized all the questions that have caused differences, but he asks [Mikoyan] to explain, why N.S. Khrushchev has accepted Kennedy's offer to make a statement of non-aggression against Cuba under the condition of removing Soviet missiles from Cuba, though the Cuban government had not yet given its view in this regard.

A.I. MIKOYAN asks if there are more questions.

C.R. RODRIGUEZ says that his question is related to that formulated by Dorticos. It is not clear what does the Soviet Union regard as a victory, whether its substance consists in the military success or the diplomatic one. We were considering

that for the time being it is impossible to speak about victory insofar as the guarantees on the part of the USA are ephemeral.

A.I. MIKOYAN says that he will give the most detailed answer to all the questions raised by comrade Fidel Castro and other Cuban leaders in order to make the Cuban comrades understand us completely. Therefore I will have to speak for a long time. Later, when you bring forward your opinions and perhaps ask some other questions, I would like to say some more words. If my arguments seem to you not convincing, please notify me, I will think over what to do in order to make you understand me, I will try to put forward new arguments.

The main issue, the issue of prime importance, is why have we decided to withdraw the strategic missiles from the Cuban territory. Apparently you agree that this is the main question. If there is no understanding over this issue, it is difficult to comprehend other questions.

Being in Moscow I did not realize that this question would be asked. Previously it had not arisen.

The fate of the Cuban revolution has always been important for us, especially beginning from the moment when Fidel Castro declared the objective of constructing socialism in Cuba. Socialist revolution in Latin America should develop and strengthen. When we received the news that had defeated the counter-revolutionary landing on Playa Giron it naturally made us happy, but to some extent it worried us, too. Certainly, it was foolish on the part of the Americans to organize such an invasion. But that fact indicated that they would try again to organize an aggression against Cuba, that they would not tolerate the further development and strengthening of socialist Cuba. It is difficult for them to reconcile with the existence of Cuba which is constructing socialism in the immediate proximity of their borders.

This event worries us, as we were realizing that the Americans would not give up their attempts to suffocate the Cuban revolution. And indeed, the American imperialists began elaborating two parallel plans. The first one consisted of an attempt at the economic suffocation of the Republic of Cuba in order to provoke discontent inside the country, to provoke famine and to achieve the collapse of the new regime due to pressure from within, without military intervention. The second plan foresaw preparation of an intervention with the participation of Latin American mercenaries and with the support of the United States of America. This plan envisaged invasion as the means to deal the final blow and to kill the revolutionary regime, if the economic hardships weaken it from inside. After the defeat on Playa Giron the American imperialists proceeded to the execution of those plans.

The victory of the revolution in Cuba is a great success of Marxist-Leninist theory, and a defeat of the Cuban revolution would mean a two or three times larger defeat of the whole socialist camp. Such a defeat would throw back the revolutionary movement in many countries. Such a defeat would bear witness to the supremacy of

imperialist forces in the entire world. That would be an incredible blow which would change the correlation of forces between the two systems, would hamper the development of the international revolutionary movement. We were and are considering to be our duty, a duty of communists, to do everything necessary to defend the Cuban revolution, to frustrate the imperialist plans.

Some time ago our comrades informed us that the economic situation in the country [Cuba] had worsened. This deterioration was caused by pressure on the part of the Americans and large expenses for defensive needs. We were afraid that the worsening of the situation could be the result of the implementation of the [American] plan for the economic suffocation of Cuba. The CC CPSU discussed the situation in Cuba and decided, without your request—you are very modest and try not to disturb us by requests—to undertake some measures in order to strengthen our help to Cuba. If before you were receiving part of the weapons on credit and only a portion of armaments free of charge, now we decided to supply you gratis with weapons and partly with military uniforms—100 thousand sets in two years—and equipment. We saw that the Cuban trade representatives, who were participating in the negotiations, were feeling themselves somewhat uneasy. They were short of more than 100 million dollars to somehow balance the budget. Therefore we accepted all their proposals in order to frustrate the plan of Kennedy designed for [causing] an internal explosion in Cuba.

The same thing can be said regarding food and manufactured goods. In order to alleviate the economic situation in Cuba we sent there articles and food worth 198 million rubles. Speaking very frankly, we have been giving to you everything without counting.

According to my point of view, we have entered a new stage of relations which nowadays has a different character. Indeed, during the first stage there was some semblance of mutually beneficial trade. Currently those supplies are part of clearly fraternal aid.

I recall, that after his trip to Bulgaria [14-20 May 1962—ed.], that, N.S. Khrushchev told us that while staying in that country he was thinking all the time of Cuba, he was worried that the Americans would organize an intervention in Cuba with the aid of reactionary governments of Latin America or would carry out a direct aggression. They do not want to permit the strengthening of Cuba, and the defeat of Cuba, N.S. Khrushchev said to us, would deliver a very powerful blow upon the whole world revolutionary movement. We must frustrate the plans of the American imperialists.

It was at that time when there appeared a plan that carried great risk. This plan placed huge responsibility on the Soviet government insofar as it contained within it the risk of a war which the imperialists could unleash against the Soviet Union. But we decided that it was necessary to save Cuba. At one time N.S. Khrushchev related that plan to us and asked us to think it through very seriously in order to make a decision in three days. We had to think over both the consequences of its implementation, what to do during different stages of its execution, and how to achieve Cuba's salvation without

unleashing a nuclear war. It was decided to entrust our military with elaborating their considerations and to discuss it with the Cuban leadership.

The main condition for the success of this plan was to carry it out secretly. In this case the Americans would find themselves in a very difficult position. Our military people said that four months were necessary to implement that plan. We foresaw that the delivery of armaments and Soviet troops to Cuban territory would take a half of the preparatory period. Measures were also thought out in order to prevent the unleashing of global nuclear war. We decided to work through the UN, to mobilize international public opinion, to do everything in order to avoid a world collision. We understood that the Americans could use a blockade. It appeared to be the most dangerous thing if the USA imperialists blockaded the supplies of fuel to Cuba. They could abstain from limiting food deliveries to Cuba, while demagogically declaring that they do not want to doom the Cuban people to famine, and at the same time prevent supplies of weapons and fuel to Cuba. And Cuba, who doesn't have her own energy resources, can't survive without fuel. Our communications with Cuba are very stretched. We are separated by enormous distances. Therefore transportation to Cuba is very difficult. We can't use our Air Force or Navy forces in case of a blockade of Cuba. Therefore we had to use such means as political maneuvering, diplomacy, we had to utilize the UN. For example, we could not blockade American bases in Turkey in response because we have no other exit to the Mediterranean. We could not undertake such steps neither in Norway, nor in England, nor in Japan. We do not have enough possibilities for counter-blockade. Counter-measures could be undertaken in Berlin.

Our plans did not include creation of our base here, on the American continent. In general, the policy of constructing bases on foreign territories is not a correct one. Such a policy was carried out in the time of Stalin. There was our base in Germany which was created on the ground of our right as conqueror. Currently our troops in Germany are quartered there according to the Warsaw Pact. Under treaty there was our naval base in Finland. We also had a base in Port Arthur in order to defend our eastern borders from Japan. All these bases were liquidated. Right now we don't have any bases on foreign territories. Nevertheless there are our troops in Poland in order to ensure communications with our forces in Germany, and Soviet troops are quartered in Hungary in order to protect us from the side of Austria. We do not need bases in Cuba for the destruction of the United States of America. We have long-range missiles which can be used directly from our territory. We do not have plans to conquer the territory of the USA. The working class of that country is stupefied by capitalist propaganda. Besides, such a plan would contradict our theory. We can use the long-range missiles only to deliver a retaliatory blow, without landing troops on USA territory.

The objective of bringing Soviet troops and strategic weapons to Cuba consisted only in strengthening your defense potential. It was a deterrence plan, a plan designed to stop the imperialist play with fire regarding Cuba. If the strategic armaments were deployed under conditions of secrecy and if the Americans were not aware of their presence in Cuba, then it would have been a powerful means of deterrence. We

proceeded from that assumption. Our military specialists informed us that strategic missiles can be reliably camouflaged in the palm forests of Cuba.

We were following very intently the transportation of troops and strategic weapons to Cuba. Those sea shipments were successful in July and August. And only in September the Americans learned about the transport of those forces and means. The USA intelligence worked badly. We were surprised that Kennedy in his speeches was speaking only about Soviet military specialists, but not Soviet troops. At the very beginning he really was thinking so. Then we understood that he was not saying everything he knew, and that he was holding back in order not to complicate the [Congressional—ed.] election campaign for himself. We let the Americans know that we wanted to solve the question of Berlin in the nearest future. This was done in order to distract their attention away from Cuba. So, we used a diversionary maneuver. In reality we had no intention of resolving the Berlin question at that time. If, comrades, the question of Berlin is of interest to you, I can give you the necessary information.

Kennedy addressed N.S. Khrushchev through confidential channels and made a request not to aggravate the situation until the end of the elections to Congress [on 6 November 1962—ed.], and not to proceed to the Berlin issue. We responded that we could wait until the end of the elections [campaign], but immediately after them we should proceed to the Berlin issue. When the Americans learned about the transport of strategic weapons to Cuba they themselves began crying a lot about Berlin. Both sides were talking about the Berlin crisis, but simultaneously believed that at that given moment the essence of their policy was located in Cuba.

By mid-September the Americans apparently received data regarding the transport to Cuba of Soviet troops and strategic missiles. I have already spoken about this fact with comrade Fidel Castro. American intelligence was not the first in obtaining that information, it was West German intelligence who gave that information to the Americans. The American administration sent planes over Cuban air space for aerial photography and for ascertaining the deployment areas of the strategic missiles. N.S. Khrushchev gave the order to place the missiles into vertical position only at night, but to maintain them in a lying-down position in the daytime. Nevertheless, the Americans managed to take a photo of the missiles in the firing position. Kennedy didn't want to speak about Soviet missiles in Cuba until the end of the Congressional elections. He did not want to strain relations. But two Republican senators [a clear reference to Sens. Kenneth Keating of New York and Everett Dirksen of Illinois—ed.] learned about the fact of the strategic missiles placed in Cuba and therefore Kennedy hastened to take the initiative into his hands, or else he would be hard pressed. We had no information on how he intended to act.

The United States of America organized maneuvers in the area of Vieques Island [in the Caribbean], naming them "Ortsac," i.e., Castro, if you read it backwards. But those maneuvers could appear to be not an exercise, but a sea cover for a strong blow against Cuba. At that moment, when Kennedy made a statement and announced [on October 22—ed.] the decision of declaring a blockade against Cuba, we didn't know if

the Americans were really carrying out maneuvers or were preparing for a direct attack upon Cuba.

On 28 October in the morning [presumably this refers to Moscow time, which would mean the evening of 27 October in Washington—ed.] we received reliable reports of preparations for an attack against Cuba. Indeed we were aware of the fact that the Americans had interrupted their maneuvers because of a hurricane. The maneuvers did not resume when the hurricane went away but the American combatant ships remained in the same area in direct proximity to Cuba. N.S. Khrushchev rebuked Kennedy for declaring a blockade around Cuba. We strongly opposed the American attempts to assume the right to determine what weapons Cuba can use and what armaments it may not possess. And then the Americans decided to carry out a direct aggression. Their plan consisted of two parts. Wishing to free themselves from the threat of a blow from the strategic missiles, they decided to liquidate the launchers in Cuba with the help of conventional warhead missiles and immediately after that land troops on Cuban territory in order to liquidate centers of resistance as soon as possible.

It would have been impossible for us in these circumstances not to repulse the aggression of the USA. This assault would mean an assault upon you and us, as far as in Cuba there were situated Soviet troops and strategic missiles. Inevitably, nuclear war would be unleashed as a result of such a collision. Certainly we would destroy America, our country would be strongly damaged too, but we have a larger territory. Cuba would have been destroyed first. Imperialists would do their best to liquidate Cuba.

The objective of all the measures undertaken by the Soviet Union was the defense of Cuba. It was necessary to determine our line of conduct. The loss of Cuba would mean a serious blow to the whole socialist camp. And exactly at the moment when we were pondering the question of what to do in the created situation we received the communication from comrade Castro, it was on Sunday, that an aggression against Cuba would be unleashed in the next 24 hours. From other sources we were in possession of information that the USA aggression would begin in 10-12 hours. Despite the fact that these were separate sources, the information corresponded. Until the moment of the start of the USA aggression against Cuba remained 10-12 hours. It was necessary to use the art of diplomacy. Had we not been successful in this regard there would have been unleashed a war. We had to use diplomatic means.

Kennedy was making statements that he had nothing against the stationing in Cuba of Soviet weapons, even troops, but that placing strategic weapons in Cuba was evidence of preparations for an assault against the USA. Therefore the USA would defend itself. Considering that the missiles had been discovered and were no longer a means of deterrence we decided that for the sake of saving Cuba it was necessary to give an order to dismantle and return the strategic missiles to the Soviet Union and to inform Kennedy of this. You agreed with the withdrawal of strategic missiles from Cuba while leaving there all the other kinds of armaments. We managed to preserve all the forces and means which are necessary for the defense of the Cuban revolution even without strategic missiles which had been a means of deterrence, but they were discovered and

therefore lost their significance. We have enough powerful missiles that can be used from our territory. Since Kennedy agreed with the retaining of Soviet troops in Cuba, the Cubans kept powerful armaments and anti-aircraft missiles, so we consider that he [Kennedy] also made a concession.

The statement of Kennedy about non-aggression against Cuba on the part of the USA and Latin American countries also represents a concession. If we take into account these reciprocal concessions and all other factors, we will see that a big victory has been gained. Never before have the Americans made such a statement. That is why we decided that the main objective—salvation of Cuba—had been achieved. There would not be an assault against Cuba. There would not be a war. We are gaining more favorable positions.

Indeed, it was necessary to send the draft of our decision to Cuba in order to have consultations with you, to receive your consent and only then announce it. It would have been done in this way if there were normal conditions. In his letter Fidel Castro informed us that an inevitable aggression was expected in 24 hours. By the moment when we received it and were discussing the situation, only 10-12 hours were left before aggression. If we had tried to send you our draft we would have had to encode the document, transmit it by radio, decipher it, translate it into Spanish. All of this could take more than 10 hours and such a consultation would not have made sense by that time. It would be too late. It could happen in such a way, that the answer would be received, but Cuba itself would have ceased to exist, a war would have been unleashed. It was a critical moment. We thought our Cuban friends would understand us. Moreover we knew from the cable from Fidel Castro that the Cuban leadership was aware of the direct threat of assault. At that moment the main objective consisted of preventing an attack. We thought, the Cuban comrades would understand us. Therefore, we made the decision to act immediately, but without paying due attention to the psychological factor, about which comrade Fidel Castro spoke here.

Regarding the possibility of a truce at that moment, mentioned by the Cuban comrades, the Americans would not take such a step in those conditions. There are a lot of revanchists in the Pentagon, and Kennedy is a deterrent element with respect to them. The Americans would have burst into Cuba. We had no time. Certainly, it was a decision that created some difficulties for you, the Cuban people.

Let us compare the situation at the present time and the situation before the crisis. Before the crisis the Americans were preparing an intervention against Cuba. Now they have committed themselves not to attack Cuba. It is a great success. Certainly, the events also had negative consequences, especially as American propaganda was trying suit their own ends by using some facts and distorting them. But that is inevitable. These are the costs of events that have crucial importance. Our task is to eliminate the negative consequences of the recent events.

Comrade Dorticos is correct when he asks why we gave our consent to Kennedy's message on non-aggression against Cuba without the agreement of the Cuban

government. But it was exactly our consent (and nothing else) that ensured some truce for a certain time.

One cannot perceive nihilistically all agreements and commitments, although sometimes these agreements and commitments are important only during a certain time, until conditions change. So they keep their importance until the situation changes.

We were asked about our demand on the liquidation of American bases in Turkey.

Speaking frankly, we were not thinking about bases in Turkey at all. But during discussion of the dangerous situation we received information from the United States of America, including an article by [columnist Walter] Lippmann [in the *Washington Post* on 25 October], where it was said that the Russians could raise the question of liquidating the USA bases in Turkey. They were speaking about the possibility of such a demand inside American circles. This question was discussed in the USA. Turkish bases do not have great importance for us. They will be eliminated in case of war. True, they have certain political significance but we don't pay them special importance, though we will seek their liquidation.

From your statements I see now that the Cubans were regarding this demand as if it was some sort of exchange. There are USA bases not only in Turkey, but also in England and other European countries. But nowadays these bases do not have decisive importance insofar as the long-range strategic missiles, aimed at Europe, can quickly destroy them.

F. CASTRO. There is a question, on which we are insufficiently informed.

On 26 October the Soviet government sent Kennedy a letter without a word about Turkey. On 27 October we learned about Turkey from the broadcasts of Soviet radio. The American media expressed some surprise because this problem had not been raised in the message of the 26th. What is it, a false communication or were there two letters of 26 and 27 October? We have received one letter that coincided with the document transmitted by Moscow radio.

A.I. MIKOYAN. There were two letters. The letter of the 26th was not published. The letter of 27 October was published. But the content of the letter of 27 October covers the questions raised in the letter of the 26th. The question of Turkey was not raised at the beginning. Later this issue was included. You have all the correspondence on this issue. If there is such a necessity, we can check it.

F. CASTRO. Here is the letter of 26 October, whose text, as it seemed to me, is identical to the other letter at my disposal, which was received from the transmission of radio Moscow and TASS. It seemed to me that one letter has not been published.

A.I. MIKOYAN. If you want, we can check.

F. CASTRO. For all that, when did Kennedy accept the proposal of N.S. Khrushchev and promise guarantees not to attack Cuba? Wasn't it in response to the letter of 26 October? What did he say then?

C.R. RODRIGUEZ. There were secret letters.

A.I. MIKOYAN. Comrades, all the documents have been given to you.

F. CASTRO. On 27 October Kennedy gave guarantees not to attack Cuba, if the Soviet government removed its offensive weapons. The impression is growing that it was in response to [Khrushchev's] letter of 26 October. That is an important question. It was decided urgently, without consultations. Apparently, before my letter to Khrushchev, N.S. Khrushchev wrote to Kennedy and simultaneously with my letter an answer from Kennedy to Khrushchev arrived. After all, why is Kennedy already speaking about the Soviet proposal about dismantling, etc., in his response of 27 October to Khrushchev's message of 26 October, if it was not directly said in the confidential message from Khrushchev of 26 October? Negotiations began at night, after the message from Kennedy. Consequently, it was not possible to consider inevitable an attack against us. When I was writing to N.S. Khrushchev I didn't know that Khrushchev was writing to Kennedy and Kennedy—to Khrushchev. It seems to me that on 27 October, at that time, there was no unavoidable threat of attack. The principle of agreement had already been found. It seems to me that there was available time for consultations.

A.I. MIKOYAN. In his answer of 27 October Kennedy was formally responding as if only to the confidential message of the 26th, but practically he was answering both this one and chiefly the message from Khrushchev of the 27th, openly transmitted by radio, though there was no direct reference in Kennedy's message. All the messages between Khrushchev and Kennedy and everything received from him confidentially were given to comrade Fidel. I'm a participant of all the meetings, I'm aware of everything, but if you want me to do it, I'll check all the documents that I have with me and tomorrow I'll complement my information.

F. CASTRO. I agree with comrade Mikoyan's suggestion.

A.I. MIKOYAN. So, let's pass to the next question.

To many Cubans it seems that instead of our demand for the liquidation of American bases in Turkey it would be better to put the question of the liquidation of the base in Guantanamo. Such a demand seems tempting from the Cuban political and practical points of view. But from the point of view of military and practical interests of Cuba we could not put the question in this way. If the question were raised about withdrawal from Cuba of all kinds of armaments, then the [Guantanamo] question would be raised. There are no nuclear weapons at Guantanamo. But we did not have intentions of taking away all the armaments from Cuba. The Guantanamo base does not have a huge real significance insofar as the Americans can transfer their forces to Cuba without difficulties due to the geographical situation of the USA and Cuba. Indeed, it was not

possible to lose all our armaments in Cuba. If we were to raise the question of Guantanamo base liquidation in exchange for withdrawal of Soviet weapons from Cuban territory in general, that would undermine Cuba's defense capability. We can't do that. You know that in the message from N.S. Khrushchev to Kennedy there was said that "we want to create confidence among Cubans, confirming that we are with them and we do not relieve responsibility for rendering help to the Cuban people."

F. CASTRO. But we are speaking only about strategic missiles. Such an act would have political rather than military significance. We were looking for an exit from that situation. It seems to us that it was possible to create a more difficult atmosphere for the Americans by raising such a question as the liquidation of the Guantanamo base.

A.I. MIKOYAN. If the Americans had accepted such an offer, and they could do so, we would have had to leave Cuba. We could not afford it.

Now I'll pass to the issue of inspections. If we had made a statement declining inspections, the Americans would have taken it for our desire to swindle them and their intervention would have become a reality. We declared that we agree to inspections. What we are speaking about is not a broad inspection, but a verification of the sites, known to the Americans due to aerial photography and which have been locations of the strategic missile launchers. The objective would have been to verify if the missiles had really been dismantled and their embarkation really accomplished; verification of the areas where the missiles had been assembled could be carried out in one day and verification of loading—in several days. It was not a question of any permanent or general inspection. It was said that representatives of neutral countries would carry out a verification only once. We were not deciding this question instead of you. Cuban issues are solved by the Cuban leadership only. But, being owners of that kind of weapon, we stated our consent for verification of dismantling and loading. We believed that after coordinating with you, you would accept this suggestion. But we could not decide it instead of you.

We were assuming that it was possible to give consent to verification by representatives of neutral countries of the dismantling and withdrawal of the missiles — doing all of this without hurting Cuba's sovereignty. Certainly, no state would bear violation of its sovereignty. But in particular cases sovereign governments also permit some limitation of their actions, owing to voluntary agreements. Now we are not speaking about those cases when foreign powers impose their will over other countries.

I can give examples how our state and other countries voluntarily limit their actions while preserving their sovereign rights. For example, sovereignty of a host-country does not apply to the territory of foreign embassies. In this case we see a limitation of actions without limitation of sovereignty.

Another example. An agreement to create an international verification commission was achieved in Geneva [in 1954] during the discussion of the Indochina issue. The proposal was made by representatives of the Soviet Union, China, and other

countries. The proposal was also supported by the leader of the Democratic Republic of Vietnam comrade Ho Chi Minh, who was directly concerned. Currently both Ho Chi Minh and the king of Cambodia ask to preserve that international verification commission. In this case there is no question of limiting the sovereign rights neither of Vietnam nor Cambodia.

Further. Between India and Pakistan in the area of Kashmir is working an international verification commission without infringing on their sovereign rights.

Several years ago we proposed [in May 1955—ed.] to the Americans and English to create jointly international verification posts on railway junctions, in large ports, and along highways. In due time [in the 1957 Rapacki Plan—ed.] we also suggested to organize international verification in the zone covering 800 kilometers on both sides along the demarcation line in Germany. In the event of the acceptance of this suggestion, a part of our territory, Poland, and Hungary would have been controlled. And such an act, under the condition of voluntary acceptance of the commitments, would not have undermined the sovereign rights of the states.

A similar example is the creation of an international commission in Laos in order to verify compliance of the 1962 agreement, in particular, to verify the withdrawal of foreign troops from Laos and a ban on the introduction of weapons. [Laotian Prince] Souvanna Phouma did not object to such verification. Communists of Laos and Vietnam allowed international control, communists of India didn't object to international verification. Poland agreed to verify the withdrawal of American troops and the troops of Ho Chi Minh. And it was done with the consent of comrade Ho Chi Minh and the Laotian communists.

I'm giving you all these examples because when we, on the basis of the above mentioned experience, were thinking about you, we didn't pay due attention to that psychological factor, about which we learned here from comrade Fidel Castro. In principle everything is correct, but not all that looks good in principle can be applied to a concrete situation.

Everything I'm talking about I'm saying not to gain a change of the international stand of Cuba, but in order to explain to you the motives which guided us. It is unthinkable that I might try to exercise any pressure.

During the conversation with McCloy in New York I touched on the question of verification of the dismantling of our missiles. McCloy said that insofar as Cuba was objecting to verification organized with the help of neutral countries, the USA did not insist on this form of control and it was necessary to seek other measures so that the Americans could be convinced that it had been done. He said that they were aware of dismantling work, but they were afraid that the missiles could be hidden in Cuban forests. They need to be sure that those weapons are removed from Cuban territory. I asked him about other forms of verification that he had in mind. McCloy answered that, in their opinion, an aerial inspection could be used for this aim, but that it was necessary for Cuba

to agree to verification from airspace. I resolutely said in response that such a method is out of the question because it was damaging Cuban sovereign rights. I added that it wasn't worth going on with the discussion of that issue—we categorically rejected such a method and stressed our reluctance even to convey that proposal to the Cubans.

We knew that the American planes had been flying over the territory of Cuba and had carried out air photography. I told McCloy that on the basis of that aerial photography Americans could be convinced of the fact that work on the dismantling of the missiles had already begun. He answered me that air photography reflected the process of dismantling work, but that was not all, because in their view there were delays in dismantling. McCloy underlined that for Americans it was very important to be sure of the removal of the missiles from Cuban territory. Then they would not have doubts of missiles being hidden in the forests. He added that the information is needed to be convinced of the missiles' withdrawal. Meanwhile the Americans do not seek any secret information, they are worried by the question of whether the missiles have been withdrawn.

I could not, continued A.I. Mikoyan, go on discussing that issue with McCloy, but I was aware that military consultants, a general and a colonel, had been sent from the Soviet Union to [Deputy Foreign Minister Vasily] Kuznetsov. I hope, the issue will be further examined.

There is another method which I didn't mention to the Americans, but I can explain it to you. The process of dismantling and loading of the strategic weapons can be photographed and these documents can be used in order to achieve the declared objective.

How is verification at sea carried out? It is done at a considerable distance from territorial waters. Observers examine vessels and give their consent for further travel.

On 1 November, during my conversation with McCloy, I said nothing to the Americans regarding the fact that we were looking for ways to keep our promise and give the Americans the opportunity to be certain that the dismantling and carrying away of the missiles had really been done. We are doing that in order not to contradict your statement objecting to control on Cuban territory. During the conversation McCloy told me that the Cubans could try to prevent the withdrawal from Cuba of the strategic missiles. He added that the Cubans had 140 thousand soldiers and Soviet troops are only 10 thousand. Regarding the first remark I told him that it was nonsense, because Fidel Castro himself had announced that he was not objecting to the withdrawal of the Soviet strategic missiles. Certainly, I didn't dispute his data on the numbers of the troops.

By the way, he said that the U-2 plane had been shot down over Cuban territory [on 27 October —ed.] by Russian missiles, though anti-aircraft launchers, in his opinion, could be operated by the Cubans. I neither confirmed, nor disputed, this observation of McCloy.

F. CASTRO. These planes are flying at the altitude of 22 thousand meters and the limit of our artillery is lower. Therefore it's understandable that in this case the anti-aircraft missiles were used.

A.I. MIKOYAN. I didn't engage in further discussion with him of this issue.

We insist on immediate lifting of the quarantine. If you want us to finish the withdrawal of strategic missiles from Cuba as soon as possible, I said to McCloy, then give the vessels access to Cuba because there are not enough steamships in Cuba right now to withdraw the equipment and personnel. It could be done before the official agreement, in order to accelerate the evacuation. McCloy responded that he was ready to give orders in practice not to carry out examination of the vessels. The verification will be completely formal, as happened during the encounter of the tanker "Bucharest" with American ships. A question was asked by radio about the character of the cargo, and the "Bucharest" without examination continued its journey to Cuba. Nobody stopped the ship, nobody came onto its deck.

I objected to this kind of verification also. Then we passed to other issues. [Adlai] Stevenson told me that the Americans had accepted U Thant's proposal. I reproached them and made the observation that U Thant was suggesting not to withdraw weapons and to lift the blockade. We accepted U Thant's suggestion about verification on the part of the Red Cross.

In general it is necessary to note that the cargo transportation to Cuba represent an interest for you, not us. You are receiving the goods. We incur considerable losses. Steamships are obliged to wait at sea. We were forced to agree to the Red Cross verification in order to reduce our losses. This kind of verification is better than the American one. This organization does not have any political or state character. Vessels that can be used for such verification are not American but neutral and Soviet.

U Thant suggested two options for verification: in port and at sea. We didn't want to hurt your sentiments and therefore responded that we agree to verification at sea, but not in port. This issue, chiefly, has importance for you. But seeking to make your situation easier, we agreed to Red Cross verification at sea.

Having returned from Havana, U Thant told me in New York that you do not agree to verification in port although, in his opinion, it was more comfortable to do it in port. U Thant is ready to choose the corresponding staff. He has available two ships. On other details of this issue I lack information. Comrade Kuznetsov is in charge of them.

It's still necessary to dwell on the issue concerning U Thant's plan and verification.

During the crisis U Thant behaved himself decently, even well. It's hard to demand anything more from him. He treated both us and Cuba with sympathy, but his situation is not easy at all. We have received the "U Thant plan," of guarantees, that had

been sent to everybody. This plan seemed interesting to us and useful for Cuba. What do we see positive in it?

If the UN observation posts are created in Cuba, the southern seacoast of the USA and in the Central American countries then attempts of preparation for aggression against Cuba would be quickly unmasked. In this way it will be possible to suppress rapidly any aggression attempts against Cuba. I'm assessing this issue from the point of view of international law. It's not excluded that a similar agreement can be violated, but it must not happen under normal conditions.

This issue is also interesting from another point of view. There is the Organization of American States (OAS). The Americans try to use the OAS as a cover in order not to allow a UN inspection. If the Americans had accepted UN inspection it would mean that Latin American issues are resolved at the UN bypassing the OAS. Briefly, we positively assess U Thant's plan. He said that Fidel Castro also had a positive attitude toward his plan, but I don't know if comrade Fidel Castro really has such an opinion.

U Thant told me that representatives of Latin-American countries, to whom he had spoken, took a favorable view of his plan. I asked what was the USA position and U Thant informed [me] that the Americans had called it an OAS issue without outlining their own attitude. But I managed to clear up this question during the conversation with McCloy. At first McCloy and Stevenson said that there was not a "U Thant plan." Then they admitted their knowledge of the plan, but declared that the USA opposes any verification procedures on their territory.

McCloy said they could pledge their word that all the camps for mercenary training in Central America had been liquidated or were in the process of liquidation. I asked McCloy if it had been done in all countries. McCloy answered that it was necessary to check it. I asked why the USA recruits Cuban counter-revolutionaries to their armed forces. He prevaricated for a long time trying to explain it by the necessity of teaching those people English. He was cunning and evasive. Then he declared that Cuba represents "a source of revolutionary infection." Stevenson said that the USA would like to find a possibility for settling the Cuban issue, but Cuba is afraid of the USA and the USA is afraid of Cuba. We didn't discuss this question any more. But there is an impression that a possibility exists to reach an agreement—in the form of a declaration or some other form—between Cuba and Central American countries pledging not to carry out subversive work and not to attack each other.

Comrade Fidel Castro was right saying that it was necessary to maneuver on the issues of international policy. It is easier for the Soviet Union than for Cuba to do so, especially when American propaganda complicates your possibilities for maneuvers. Firmness should be combined with flexibility while you carry out a policy. Nowadays it is a necessary thing for Marxist-diplomats. It is wrong to say that we are more liberal than others. We are firm, but we display flexibility when it is necessary.

The revolution in Cuba has enormous importance not only for the Cuban people, but for the countries of Latin America and the whole world. The revolution in Cuba must develop and strengthen. Therefore it is necessary to use maneuvers, to display flexibility in order to ensure victory.

Really, a victory has been gained over Americans and here is why. If we have a look at the whole thing retrospectively, the question is being raised—if it has been a mistake to send strategic missiles to Cuba and to return them to the Soviet Union. The CC CPSU considers that there was no mistake. The strategic missiles have done their part. Cuba found itself at the center of international politics and now when their job is done, when they have been discovered, they can't serve any more as means of deterrence. They are withdrawn. But the Cuban people keep powerful arms in their hands. There is no other country in Latin America which is so strong militarily, which has such a high defense potential as Cuba. If there is no direct aggression on the part of the USA, no group of Latin American countries has the possibility to overpower Cuba.

Let us try to understand of what our victory consists. Let's compare situations in June and now, in November. The Americans have virtually forgotten the Monroe doctrine. Kennedy does not mention it any more and, you know, the Monroe doctrine has been the basis of American imperialism in Latin America. Previously Americans were declaring that they would not tolerate a Marxist regime on the American continent. Now they are committing themselves not to attack Cuba. They were saying that foreign powers could not be present on the American continent in whatever form. They know about the Soviet military in Cuba, but do not speak of the Monroe doctrine.

Cuba found itself in the center of international political events. The United Nations Organization is engaged in the Cuban issue. U Thant practically backs Cuba and comes out against the USA policy. And you remember that previously it was not possible to obtain support for Cuba at the UN. World public opinion has been mobilized and even some nations who were previously against Cuba.

In the USA there are hysterics, but in their souls many people understand the fairness of the Cuban demands.

In the end, the prestige of the socialist camp has strengthened. It defended peace, though the USA was rapidly sliding down toward war.

People have united in order to resist American plans aimed at unleashing a war, and simultaneously the Soviet policy was carried out in the framework of settling the issues by peaceful means.

The immediate threat of military attack against Cuba is gone. I believe it is moved aside for several years.

It is necessary now to fix that success on the diplomatic field, so that Cuba—a beacon of Latin American revolution—could develop more rapidly in every respect and give a decisive example for mobilizing other peoples for struggle.

Our support becomes more and more active. We are helping you as our brothers. More possibilities have been created.

Americans are obliged to take Cuba into account, to solve issues, regarding Cuba, with our participation. We are not speaking about Russia [sic—ed.] as such, but as a country of socialism. Socialism, which you are also meritoriously representing, became a decisive factor of international policy. American propaganda is repeating over and over again about a diminishing of Cuba's prestige. Just to the contrary Cuba's prestige has been undoubtedly strengthened as a result of recent events.

In conclusion A.I. Mikoyan apologized to the Cuban comrades for having tired them out. Joking he adds that the only compensation is that he is worn out too. So there is complete equality.

He suggests setting a time for the next meeting.

F. CASTRO asked, if it was possible, to discuss Soviet policy regarding the Berlin issue.

A.I. MIKOYAN answered that he would do so, and also would discuss the exchange of letters between the CPSU and communist parties of India and China on the issue of conflict between India and China. He can explain our plans in the sphere of disarmament, on the ceasing of tests of hydrogen weapons, and answer all other questions including economic issues.

It was decided to have another meeting in the Presidential Palace at 14 hours [2:00 p.m.—ed.] on 5 November.

Ambassador Alekseev was also present on the Soviet side.

Recorded by V. Tikhmenev

[signature]

[Source: Russian Foreign Ministry archives, obtained and translated by NHK television, copy provided by Philip Brenner. Translated by Aleksandr Zaemsky, slightly revised. Published in Cold War International History Project Bulletin No. 5. (Bracketed explanatory notes are by the editor of the Bulletin.)]